

Мотив чумы в лирике О.Э. Мандельштама

Ханнанова Диана Шамилевна

Студентка Псковского государственного педагогического университета имени

С.М. Кирова, Псков

К образу чумы в творчестве О.Э. Мандельштама ранее обращались И.З. Сурат («Опыты о Мандельштаме»), Л.Г. Кихней («Акмеизм: Миропонимание и поэтика»), выделившая мифологему чумы у поэта; Н. Струве («Осип Мандельштам»). О.А. Лекманов в своей книге «Осип Мандельштам» приводит биографические факты, в которых можно увидеть объяснение возникновения близких мотивов: смерти, чумы, страха. Однако неоднократное возникновение образа в стихах разных лет, а также эволюция его осмысления позволяют говорить о мотиве чумы в лирике Мандельштама. Осложнение мотива пушкинскими реминисценциями проявляет своеобразие его решения Мандельштамом.

Образ чумы появляется уже в стихотворениях сборника «Tristia» в связи с возникновением эсхатологических мифов, темы пророчества грядущей мировой катастрофы. Однако его употребление единично: в стихотворении «Кассандре» (1917), обращенном к А.А. Ахматовой и связанном с осмыслением поэтом событий 1917 года [Кихней: 131]: *Но если эта жизнь – необходимость бреда, / И корабельный лес – высокие дома – / Лети, безрукая победа, / Гиперборейская чума!* Здесь предчувствие неизбежной гибели культуры и цивилизации, ощущение непрочности индивидуального бытия обуславливает возникновение образа пророка (Кассандры), передающего трагизм мировосприятия.

В «Кассандре» же впервые встречается аллюзия на «Пир во время чумы» А.С. Пушкина, который становится для поэта точной моделью отношений между культурой и современностью, когда бредит изуродованная, искаженная действительность и вместо эпохи культуры, цивилизации наступает эпоха «скифства», дикого варварства. Образы «гиперборейской чумы» и погасшего солнца («солнца Александра») вводят тему «золотого века», расцвета русской литературы и культуры. Центральная мысль произведения заключается в том, что в современную поэту эпоху угасает свет пушкинского гения и «обратное течение времени», поворот истории вспять обозначает начало заката русской литературы [Сурат: 17].

Мотив чумы актуализируется в стихотворениях первой половины 1930 гг. (цикл «Московские стихи», 1930–1934 гг.) как один из деструктивных мотивов, передающих мысль о губительном искажении лика природы под воздействием социальных катаклизмов сталинской эпохи [Кихней: 130]. Ситуация жизни на грани физического уничтожения мотивирует появление мифологемы «чумы», «чумного пира» как новой модели поведения человека в пограничной ситуации между жизнью и смертью. Здесь пушкинский «Пир во время чумы» становится уже литературно-мифологическим прототипом такой модели.

В отличие от реализации мотива чумы в книге «Tristia», в «Московских стихах» чума обозначает не только катастрофическое губительное состояние мира, но и попытки если не преодоления, противостояния страшным обстоятельствам, то, по крайней мере, единственно возможного способа жизнедеятельности в «перевернутом», искаженном мире [Кихней: 131].

Так, если в стихотворении «Фазтонщик» (1931) «пир со смертью» предполагает, в отличие от пушкинского «пира во время чумы», что подавленные ужасом перед происходящим люди еще не могут противопоставить вечные духовные ценности гибели и разложению, то в стихотворении «Увы, растаяла свеча...» (1932) чума оказывается связанной с потребностью личности противопоставить социальной катастрофе богатое культурное наследие человеческой цивилизации. Произведение рисует образы персонажей Боккаччо и других новеллистов Италии, воспринятые Мандельштамом как живые, подлинные, имеющие свою судьбу. Здесь обнаруживается сложная

полигенетическая природа мотива чумы: с одной стороны, он «солнцем Александра» отсылает к золотому веку русской культуры (о чем говорилось выше), а с другой – через «Декамерон» Дж. Боккаччо к эпохе Возрождения.

В стихотворениях начала 1930 гг. поэт ощущает свою неотвратимую гибель, исполнен решимости отдать себя в жертву в им самим избранный срок. Мысль о смерти перестает угнетать, быть навязчивой: Мандельштам стремится насладиться всем богатством и разнообразием мира в жизненном пиру перед смертью [Струве: 52–53]. Поэтому «чумный пир» для него – это все богатство мировой культуры, духовное достояние человечества, приобретающее особое значение в годы террора и репрессий.

В значении «модель поведения человека» в условия социальной катастрофы мотив чумы находим в стихотворении «В игольчатых чумных бокалах...» («Восьмистишия» (1935)), которое подводит своего рода итог развитию этого мотива в лирике О.Э. Мандельштама. Здесь он приобретает существенно новое звучание, благодаря возникновению образа ребенка («большой вселенной») и связанного с ним образа бирюлек, который утверждает неизбежность рождения нового мира после тотального крушения старого. Чума перестает быть связанной с безраздельным, всеохватывающим чувством отчаяния, ощущением его обреченности на умирание; появляется надежда на возрождение в будущем культуры, духовной жизни людей: ведь смерть и рождение – две основополагающие составляющие бытия как такового.

Литература

Кихней Л.Г. Акмеизм: миропонимание и поэтика. М., 2001.

Лекманов О.А. Осип Мандельштам. М., 2004.

Струве Н. Осип Мандельштам. Томск, 1992.

Сурат И.З. Опыты о Мандельштаме. М., 2005.